

— В армии дисциплина превыше всего! Приказ должен исполняться безоговорочно, никакого сопротивления! Без правил нет порядка...

Он с безупречной дикцией внушал всем собравшимся ученикам, как важна дисциплина. Юй Жань слушал вполуха — всё его внимание было приковано к Чу Мянью, и он даже не заметил, как командир роты подошёл вплотную.

— Ты.

Над головой прогремел зычный голос.

— Ты учишься в экспериментальном классе и должен подавать пример! Нельзя, чтобы про тебя думали, будто ты умеешь только учиться!

Юй Жань удивлённо поднял голову:

— Я не умею.

Чу Мянью нахмурился:

— Не пререкайся.

Юй Жань тут же умолк и, не отрываясь, посмотрел командиру роты в глаза.

Когда командир роты закончил речь и немного остыл, им наконец позволили подняться и встать как положено. Правда, вдобавок их оштрафовали — написать объяснительную на две тысячи знаков, прямо сейчас, и сдать сегодня вечером.

Скрывшись с глаз начальства, Юй Жань сразу подскочил к Чу Мянью и заботливо спросил:

— Спина болит?

— Нормально.

— А если нагнуться, будет больно?

— Нет.

— Отлично.

Юй Жань успокоился, схватил Чу Мяня за запястье и, расплывшись в улыбке, сказал:

— Пошли воровать овощи.

— ...

Чу Мянью потерял дар речи и, обернувшись, изумлённо уставился на Юй Жана.

— Чего уставился? Я же вчера говорил, что хочу есть хого.

— Ты...

Чу Мянью, поперхнувшись от его невинного вида, чуть не рухнул без сил.

— Юй Жань, твоё хобби — лезть на рожон?

— Моё хобби — есть хого.

— Поедим, когда вернёмся. Я тебя свожу.

— Нет.

Юй Жань ухмыльнулся.

— В общаге — вот где настоящее удовольствие.

В этот момент Чу Мянью очень захотелось врезать ему кулаком.

Небо было ясным и безоблачным; придорожные полевые цветы давно увяли, и сухая трава, покачиваясь на ветру, ждала весеннего возрождения.

Юй Жань шёл по дороге к полям, не умолкая:

— Ну посмотри на себя. Вечно одно и то же: язык говорит «не надо», а тело, блин, чертовски честное. Ты же на самом деле хочешь хого, просто тебя приходится упрашивать, чтобы ты пошёл.

У Чу Мян्या уже не осталось сил с ним препираться. Он про себя прикидывал, когда бы поудобнее как следует отлупить Юй Жаня, но тот настолько живучий, что, чего доброго, начнёт получать удовольствие от процесса. В общем, тот ещё магл.

Дойдя до овощных теплиц базы, Юй Жань остановился, велел Чу Мянню стоять на стрёме, а сам пошёл разведать обстановку.

Чу Мяннь, собственно, пошёл за ним только потому, что не хотел, чтобы Юй Жань один устраивал бесчинства. Сам он воровать ни за что не стал бы, но и подстраховать его — дело полезное.

Когда Юй Жань скрылся внутри, Чу Мяннь присел на корточки и принялся собирать с земли стебельки листьев.

Он брал два стебелька, складывал их крест-накрест, зажимал пальцами за концы и тянул в разные стороны. Если один ломался, он шёл искать новый — и так снова и снова, выясняя, какой из них в итоге окажется непобедимым.

Когда он переломал несколько десятков стебельков, а на пальцах остались красные полосы, он наконец поднял голову и увидел, как Юй Жань безмятежной походкой идёт к нему.

...И ведёт за собой осла.

Чу Мяннь сунул стебельки в карман, подошёл и, хлопнув Юй Жаня по руке, державшей повод, холодно приказал:

— Срочно верни.

— Ослятина — это же невероятно вкусно!

Юй Жань нарочито облизнулся.

Видя, что красивое лицо Чу Мяння постепенно мрачнеет, Юй Жань, испугавшись, что у того сейчас случится приступ, поспешил сказать правду:

— Не злись, не злись! Этого осла мне одолжил дядя-огородник, чтобы мясо и овощи довезти. Смотри...

Юй Жань обернулся и приподнял ткань со спины чёрного осла:

— Он мне даже приправу дал. Ты кинзу любишь?

Чу Мянью отвернулся. Юй Жань взял кочан капусты и сунул ему в руки:

— Держи.

Они не спеша вернулись к общежитию. Юй Жань велел Чу Мянью подняться наверх со всеми припасами, а сам пошёл возвращать осла.

Прежде чем подняться по ступенькам, Чу Мянью огляделся — хотел проверить, нет ли поблизости инструктора или учителя, но вдруг заметил у стены знакомую фигуру.

Это было мужское общежитие — девушкам вход запрещён, нарушительниц ждало минимум пятьдесят приседаний. Чу Мянью увидел, что Цуй Хэ с кем-то ссорится. Поколебавшись пару секунд, он всё же подошёл посмотреть, что происходит.

— Ты хоть бы о постепенности думал, блин! Вчера только отношения официально оформили, за руку не подержались, а он уже в губы лезет!

Цуй Хэ нетерпеливо поправила волосы, косясь на парня перед собой.

Цай Ханьчуань криво ухмыльнулся и, крепко сжав её тонкое запястье, тихо произнёс:

— Вот и подержался. Иди сюда, малышка, открой ротик.

— Не трогай меня.

Цуй Хэ вырвала руку.

— Всё, расстаёмся. Я с тобой больше не встречаюсь.

Лицо Цай Ханьчуаня потемнело. Он сжал ладонью подбородок Цуй Хэ, заставляя смотреть на себя:

— Какого хрена? Вместе и двадцати четырёх часов не пробыли, ты издеваешься?

Почувствовав, что он собирается действовать силой, Цуй Хэ вытаращила глаза и ответила уже не так уверенно:

— Н-ну, в отношениях ведь должен быть какой-то порядок! Если сразу столько приставаний, ни одна девушка такого не выдержит...

Не успела она договорить, как боль в подбородке резко ослабла — рука Цай Ханьчуаня внезапно отпустила её. Перед глазами всё поплыло, послышался глухой удар. Когда Цуй Хэ снова подняла голову, она увидела, как голова Цай Ханьчуаня, прижатая чьей-то рукой, снова со всего размаху врежется в кирпично-красную стену.

Со стены посыпалась крошка, послышался шорох.

У Цай Ханьчуаня из глаз посыпались искры; он не сразу понял, что произошло, — пока не услышал, как Цуй Хэ за спиной выкрикнула:

— Чу Мянь!

Это имя Цай Ханьчуаню о чём-то говорило.

За это время он перезнакомился с кучей младших сестрёнок. С начала учёбы они одна за другой бегали передавать письма с признаниями одному парню с младшего курса, но все эти любовные послания канули в воду — ни единого ответа. Цай Ханьчуань хотел было проучить этого младшего, который корчит из себя недотрогу, но потом у него возник конфликт с Юй Жанем, и за ним целыми днями следила куча учителей, так что пойти к младшим он не мог и в конце концов оставил эту затею.

— Так это, мать твою, ты.

Ярость Цай Ханьчуаня достигла предела. Он изо всех сил сдерживался, поднял голову и в упор уставился на Чу Мяня.

— Знаешь меня?

Чу Мянь не отпустил его, лишь приподнял бровь.

Цай Ханьчуань холодно усмехнулся:

— Как не знать. Десятый экспериментальный, одноклассник того ничтожества Юй Жаня.

Он сжал кулак, готовясь в следующую же секунду разнести в кровь это утончённое лицо Чу Мяня. Но улыбка ещё не успела сползти с его губ, как тот, оказавшись быстрее, схватил его за волосы и снова с силой ударил головой о стену.

Голос у него мгновенно пропал.

Пока в ушах звенело, а в глазах темнело, Цай Ханьчуань услышал, как парень медленно

произнёс ему на ухо:

— Называть Юй Жаня ничтожеством — пожалуйста, мне не жалко. Но сравнивать меня с ним не надо.

Цуй Хэ встревоженно следила за выражением лица Чу Мяня и не удержалась:

— Чу Мянью, хватит. Следи за своими эмоциями.

— Всё в порядке.

Чу Мянью бросил на неё взгляд.

— Сейчас даже настроение хорошее. Давно так не выпускал пар.

У Цуй Хэ внутри всё сжалось, и она тяжело вздохнула.

Она знала, что Чу Мянью не любит насилие: в обычной жизни он вёл себя тише воды, ниже травы. К тому же из-за нарколепсии ему приходилось заставлять себя сохранять душевное равновесие — не злиться, не впадать в крайнюю радость или печаль, лишь бы не спровоцировать новый приступ.

Но внешнее спокойствие не значило, что он умеет полностью переваривать негатив. Когда эта энергия накапливалась в его теле до критической точки, хватало одной искры — и её уже было не остановить. И только выпустив её всю, парень снова приходил в норму.

Сегодня Юй Жань не раз вывел Чу Мяня из себя, и тот как раз переживал, что на военных сборах нет груши, о которую можно было бы выпустить пар.

Впрочем, сильно калечить Цай Ханьчуаня он не хотел, поэтому просто схватил его за волосы, повалил на землю и, крепко прижав, спокойно предложил:

— Больше не будешь обижать младшекурсников, старшекурсник?

Цай Ханьчуаня передёрнуло от страха; кадык, прижатый к земле, болел так, что его мутило.

— Юй Жань говорил мне, что не отвечает на удары, потому что у него есть принципы. Глупо, правда? Знаю, ты сейчас так и думаешь. Я тоже так думаю.

Чу Мянью посмотрел на него сверху вниз и усилил нажим ладони, вдавливая лицо парня в шершавый песок:

— Хотя на самом деле причина, почему он не отвечает, только одна... Он просто не в состоянии дать сдачи.

Цуй Хэ отвернулась — ей было невыносимо на это смотреть. До неё доносились лишь хриплые крики боли.

Спустя мгновение она осторожно произнесла:

— Чу Мянь... Наверное, уже хватит.

— М-м.

Парень поднялся, достал салфетку, вытер с ладони грязь и заодно оценил её вкус в мужчинах:

— Выбор у тебя, как всегда, тот ещё.

Цуй Хэ, не отрываясь, смотрела на Чу Мяня и осторожно спросила:

— Почему ты улыбался, когда бил его?

Рука Чу Мяня замерла.

— Я не улыбался, — растерянно ответил он.

Цуй Хэ опешила и решила, что ей, наверное, показалось.

Чу Мянь поднял с земли пакеты, взял кочан капусты и, обернувшись, сказал:

— Я пойду. Мне ещё объяснительную на две тысячи знаков писать.

— А.

Цуй Хэ кивнула.

— А что это у тебя в руках?

— Продукты для хого...

— Чего?

Цуй Хэ опешила.

— В-вы собрались есть хого прямо в общежитии на сборах?

Чу Мянью кашлянул:

— Это идея Юй Жаня. Я ни при чём.

— ...

Цуй Хэ посмотрела на его лицо, на котором ясно читалось предвкушение, и не могла поверить, что даже он способен на такое возмутительное своеволие.

— Это просто можно заносить в «Десять чудес света».

Глава 20. Конец света

После тренировки парни один за другим возвращались в общежитие и, заходя, видели, как Юй Жань, склонившись над столом, режет овощи. Посреди прохода стоял котёл для хого; вода только что закипела и начинала булькать.

Юй Жань нарезал имбирь, бросил его в котёл и позвал Чу Мянью, который без дела слонялся рядом, высыпать основу для хого. Чу Мянью действовал медленно: какой бы продукт ни взял, сперва читал инструкцию по применению — совсем как новичок.

— Юй Жань, ты правда решил устроить такое в общежитии?

Фан Чжао остолбенело вошёл и повернулся к Чу Мянью.

— А ты почему его не остановил?

Чу Мянью невозмутимо ответил:

— Разве я могу его остановить?

Юй Жань закатал рукава, сел, разложил шесть пар палочек и, хихикая, сказал Фан Чжао:

— Ты каждый день то о том, то о сём переживаешь, прямо как моя мама. Не бойся. Ваше дело — есть, а если что, я отвечу.

Фан Чжао устало опустил голову и поспешно вернулся запереть дверь. Остальные же, обрадовавшись такой дерзости Юй Жаня, без церемоний взялись за палочки.

Чжоу Вэйси положил в котёл мясо:

— Да тут ещё и котелок с двумя бульонами! Ну ты и подготовился.

Юй Жань буднично пояснил:

— Ага, Чу Мянью не ест острое.

От неожиданного упоминания своего имени Чу Мянью потерял ход мыслей. Он молча посмотрел на профиль Юй Жаня, затем через мгновение тоже сел и стал помогать раскладывать овощи.

Фан Чжао, убедившись, что дверь закрыта плотно, вернулся, сел и спросил:

— А мясо откуда?

Юй Жань облизнул кончик палочек:

— Я вчера, пока ты спал, открутил твоего хера и нарезал.

Чжоу Вэйси, как раз жевавший мясо, мгновенно окаменел лицом.

Фан Чжао взревел:

— Твою мать! Он не съёмный! Он всё ещё при мне!

Чу Мянью не удержался от смеха, покосился на тарелку с мясом и спросил Юй Жаня:

— Столько из него бы всё равно не вышло, да?

Фан Чжао выпучил глаза, не веря своим ушам:

— Чу Мянью, ты чего...?

Юй Жань расхохотался, чуть не повалившись на Чу Мянью:

— Твою мать, ну у тебя и язык ядовитый.

Смеясь, он заметил на правой руке Чу Мяня несколько неглубоких царапин — на светлой коже они бросались в глаза — и спросил, откуда они. Чу Мянй взглянул на руку и не придавал этому значения.

За эти дни совместной жизни все уже поняли, что Чу Мянй очень щепетилен в еде и следит за балансом питательных веществ, поэтому, опуская продукты в котёл, они старались сначала класть лучшие куски в неострый бульон. Чу Мянй никогда не умел горячо откликаться на чужую заботу, и раньше его из-за этого нередко считали холодным. Теперь всё стало лучше: Юй Жань был словно его представитель; без всяких церемоний он, не слушая возражений, хватал еду и запихивал ему в миску, нарочно корча свирепую рожу и приказывая съесть.

Чжоу Вэйси привёз на сборы ноутбук тайком от всех — в прошлые дни просто было лень его доставать. Когда хого почти доели, он спросил:

— Фильм глянем? Я несколько скачал.

Возможно, в хулиганстве Юй Жаня было столько заразительного обаяния, что под его предводительством компания становилась всё более бесшабашной. Фан Чжао снова забеспокоился:

— Если сюда зайдёт инструктор, нам всем конец.

<http://bllate.org/book/15486/2299048>